

«ПИЛОТНЫЕ» ОБВИНЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НЕ ТОЛЬКО ПРОТИВОЗАКОННЫ, НО И БЕЗНАВРЕДНЫ

Статья посвящена рассмотрению привлечения в качестве обвиняемого как акта уголовного преследования в досудебном производстве. Обосновывается, что данный акт по общему правилу должен завершать основную фазу предварительного следствия, являться логическим итогом совокупности процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: досудебное производство, обвинение, обвиняемый, подозрение, подозреваемый, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, привлечение к уголовной ответственности, уголовное преследование.

PRELIMINARY INDICTMENTS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS ARE NOT ONLY ILLEGAL, BUT ALSO IMMORAL

The article is devoted to attracting as an accused as an act of criminal prosecution in pre-trial proceedings. It is substantiated that this act, as a general rule, should complete the main stage of the preliminary investigation and be the logical result of a set of procedural actions to establish the circumstances included in the subject of proof. At the same time, the author analyzes the reasons that influenced the spread of another practice of bringing to criminal responsibility, consisting in the issuance of initial and final charges.

К е у w o r d s: pre-trial proceedings, accusation, accused, suspicion, suspect, preliminary investigation, attracting as an accused, attracting to criminal responsibility, criminal prosecution.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Одними из самых важных и актуальных проблем теории и практики уголовного судопроизводства традиционно являлись и продолжают оставаться проблемы, связанные с правильным выбором, юридической доброкачественностью и своевременностью итоговых и промежуточных решений органов предварительного расследования и суда, обуславливающих возникновение, изменение либо прекращение определенных уголовно-процессуальных правоотношений или состояний. И на этом фоне особый интерес приобретают факторы, предопределяющие убежденность следователей в обоснованности выносимых ими постановлений о привлечении в качестве обвиняемого как правоприменительных актов, предполагающих выдвижение от имени государства в отношении строго определенного лица обвинения, т. е. уголовно-правовой претензии («уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства¹. Ведь именно это постановление, содержащее так

¹ См.: Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу : сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 18.

© Россинский С. Б., 2021

называемое существо обвинения, выражает сам смысл, само предназначение всего досудебного производства, а его вынесение является кульминационной точкой предварительного следствия.

В соответствии с ч. 1 ст. 171 УПК РФ следователю надлежит вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если по уголовному делу собраны достаточные доказательства, дающие основания для обвинения лица в совершении преступления. Иными словами, подобная имеющаяся совокупность доказательств должна предопределять практически абсолютную убежденность следователя в изобличении человека в совершении некоего инкриминируемого ему криминального деяния. Правда такая убежденность вовсе не предполагает юридическое признание виновным, а привлечение в качестве обвиняемого не детерминирует юридических последствий, тождественных последствиям, вытекающим из обвинительного приговора суда. Вынесенное в порядке ст. 171 УПК РФ постановление – это не более чем акт досудебного привлечения к уголовной ответственности², который имеет предварительный характер, а изложенный в нем обвинительный тезис является лишь результатом предварительного следствия, итогом работы следователя, приобретая в предстоящем судебном разбирательстве значение позиции стороны, инициировавшей правосудие, «воззавшей» к правосудию.

Вместе с тем, принимая данное решение, следователь как носитель публично-правовой власти, как полномочный субъект уголовной юрисдикции должен быть абсолютно уверен в неоспоримости и доказанности выдвинутой им уголовно-правовой претензии, т. е. в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела с позитивным для стороны обвинения исходом. На это обстоятельство уже неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты³. Схожие позиции можно встретить и в решениях Конституционного Суда РФ⁴.

Будучи сторонником данной точки зрения, автор настоящей статьи ранее уже высказывался в ее поддержку – писал о незаконности, недопустимости или банальной преждевременности постановлений о привлечении в качестве обвиняемых, содержащих сомнительные, «натянутые» позиции, не продиктованные абсолютной внутренней непоколебимостью соответствующих следователей в своей правоте, т. е. не обусловленные достаточной совокупностью доказательств. Однако в прежних публикациях автора этот тезис аргументировался сугубо юридическими доводами, в первую очередь необходимостью соблюдения принципа презумпции невиновности, а именно предписания о

² См.: Якубович Н. А. Обвинение и его обоснованность на предварительном следствии // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в новых экономических и социальных условиях : сб. науч. трудов. М., 1997. С. 251 ; Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого : учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 5–6.

³ См.: Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 186 ; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 191–192 ; Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 128 ; Еникеев З. Д. Уголовное преследование : учеб. пособие. Уфа, 2000. С. 78 ; и др.

⁴ Определение Конституционного Суда от 21 декабря 2006 г. № 589-О.

толковании всех неустранимых сомнений в виновности в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ)⁵.

Вместе с тем результаты дальнейших изысканий привели к осознанию возможности обоснования указанной точки зрения еще одним способом – *через нравственные основы деятельности следователя*, предполагающие замещение соответствующих должностей высокообразованными и высокоморальными личностями, не только имеющими необходимые знания, умения, навыки, профессиональный и жизненный опыт, но и обладающими надлежащим уровнем правосознания, правопонимания и ответственности. Причем не в последнюю очередь на формирование такой идеи повлияли работы известных советских и российских ученых, посвященные проблемам этики уголовного судопроизводства в целом и следственной деятельности в частности. Так, И. Д. Перлов писал, что «безнравственно требовать от следователя твердой и окончательной убежденности в виновности обвиняемого, когда он не обладает еще всей совокупностью доказательств, когда он не произвел еще всех следственных действий»⁶. Ученый справедливо полагал, что преждевременная псевдоуверенность в изобличении человека в совершении преступления может привести к предвзятости и породить не совместимый с моральными принципами обвинительный уклон. В свою очередь, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев и Д. П. Котов, задаваясь вопросом о возможности выдвижения следователем обвинительного тезиса в условиях отсутствия убежденности в виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица, обращали внимание, что подобный подход противоречит как правовым, так и нравственным принципам уголовного процесса. С этической точки зрения, продолжали авторы, нравственным может быть признан только тот поступок, который совершен на основе внутреннего убеждения, твердой уверенности, глубокой веры в правильность этого поступка. Они считали, что «убеждение и только убеждение является рациональной основой нравственной личности, позволяющей ей совершать тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения»⁷. Аналогичные суждения содержатся и в ряде других публикаций⁸.

Именно поэтому законодатель не устанавливает и не может устанавливать (!) никаких четких сроков для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. А выбор наиболее подходящего для этого времени находится в зоне дискреционных полномочий и сфере процессуальной само-

⁵ См.: *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 32 ; *Его же.* О взаимосвязи привлечения в качестве обвиняемого и избрания меры пресечения // *Университетские правовые диалоги : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Ю. Д. Лившица / под ред. С. М. Даровских, Г. С. Русман.* Челябинск, 2019. С. 139–140.

⁶ *Перлов И. Д.* Судебная этика // *Советское государство и право.* 1970. № 12. С. 107.

⁷ *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 117.

⁸ См.: *Алексеев Н. С., Лукашевич В. З.* Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве (возбуждение уголовного дела и предварительное расследование). Л., 1970. С. 90–91 ; *Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича.* М., 1974. С. 159–162 ; *Москалькова Т. Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 92.

стоятельности следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Он обуславливается лишь предопределенным принципом свободы оценки доказательств внутренним убеждением, базируется на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, доброкачественность, убедительность и достаточность которых определяется в соответствии с правилами, установленными ст. 17 УПК РФ. И, таким образом, акт досудебного привлечения лица к уголовной ответственности не может быть ни преждевременным, ни запоздалым – он подлежит изданию именно тогда, когда этого требует сложившаяся по делу следственная ситуация, не раньше и не позже. Поспешность вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, нередко являющаяся результатом следственного формализма (в негативном смысле этого термина)⁹, приводит к необоснованности обвинительного тезиса в условиях недостаточной убежденности в доказанности всех имеющих значение для дела обстоятельств и изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления¹⁰. В свою очередь необоснованное затягивание сроков досудебного привлечения к уголовной ответственности весьма негативно отражается на правовом положении соответствующего лица (как бы потенциального обвиняемого), прежде всего, лишает его возможности знать о содержании, возражать и давать показания по существу уже фактически сформулированной, но надлежащим образом не оформленной и не предъявленной уголовно-правовой претензии.

Из всего сказанного закономерно вытекает вполне понятный, однозначный, отвечающий и предназначению досудебного производства, и принципам уголовного процесса, и нравственным основам следственной деятельности постулат: *привлечение в качестве обвиняемого по общему правилу должно замыкать основную, т. е. собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия, являться логическим завершением совокупности следственных (иных процессуальных) действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и осуществляться в преддверии передачи материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд.*

Поэтому постановление о привлечении в качестве обвиняемого надлежит выносить непосредственно перед началом финальной части предварительного следствия, предусмотренной главами 30–31 УПК РФ. Вся дальнейшая процессуальная деятельность (уведомление заинтересованных лиц об окончании предварительного следствия, их ознакомление с материалами уголовного дела, разрешение поступивших ходатайств, составление обвинительного заключения и т. д.) уже не имеет «расследовательской», т. е. познавательной направленности и сводится к обеспечению прав обвиняемого, других участников уголовного судопроизводства, к надлежащему юридическому завершению предварительного расследования, оформлению его результатов и т. д.

Правда, несмотря на всю очевидность данного доктринального постулата, он имеет известную степень условности и в реальной правоприменительной

⁹ См.: Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : метод. пособие. М., 1962. С. 46.

¹⁰ Близкую позицию в свое время высказал Конституционный Суд РФ (определение от 21 декабря 2004 г. № 467-О).

практике может применяться с некоторыми оговорками. В частности, подобный тезис, имея как бы общий, базовый характер, ориентируется на самые простые дела, подразумевающие уголовное преследование лишь одного обвиняемого. Тогда как в ходе предварительного расследования более сложных уголовных дел о групповых преступлениях вполне могут складываться ситуации, не предполагающие единовременное осознание следователем оснований для привлечения к уголовной ответственности всех «фигурантов» – в какой-то момент следователь убеждается в необходимости вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого лишь в отношении одного или нескольких лиц, тогда как в отношении остальных такая уверенность еще отсутствует.

Кроме того, указанный постулат не учитывает и сложную процедуру привлечения в качестве обвиняемого, предоставляющую лицу, подвергаемому уголовному преследованию, возможность возразить против предъявленного обвинения, сообщить какие-либо новые сведения, заявить ходатайство и т. д., что иногда приводит к объективной необходимости расследования дополнительных обстоятельств и последующего вынесения нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого (перепредъявления обвинения в новой редакции) в порядке ч. 1 ст. 175 УПК РФ. Потребность в расследовании дополнительных обстоятельств, изменении и дополнении первоначального обвинения может быть вызвана и результатами процессуальных действий, проведенных в отношении других обвиняемых, сообщенными ими сведениями, заявленными ими ходатайствами и т. д.

Однако представляется, что все подобные обстоятельства никоим образом не могут поколебать или поставить под сомнение общую позицию о постановлении о привлечении в качестве обвиняемого как о заключительном процессуальном акте «расследовательской» фазы досудебного производства, подлежащем вынесению непосредственно перед началом процедуры завершения предварительного расследования обвинительным заключением. Предопределенные такими обстоятельствами особенности лишь придают базовому механизму досудебного привлечения лица к уголовной ответственности определенные оттенки, приводят к возникновению ряда специфических процессуальных алгоритмов и прикладных технологий, обладающих той или иной степенью вариативности. Ведь никакие особые условия или тому подобные причины не могут лишить акт привлечения в качестве обвиняемого его подлинного правового смысла, т. е. разорвать его взаимосвязь с предназначением всего досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности. По крайней мере, ни закон, ни нравственные основы следственной деятельности не предполагают никаких специальных условий, детерминирующих возможность досудебного привлечения к уголовной ответственности без достаточной совокупности доказательств, побуждающей уверенность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Поэтому любое решение о привлечении в качестве обвиняемого по смыслу закона изначально должно сопровождаться убежденностью автора (следователя) о выполнении всех возможных следственных (иных процессуальных) действий и завершении «расследовательского» этапа досудебного производства,

по крайней мере в части уголовного преследования соответствующего лица, а также предварительным «оптимистическим» расчетом, своего рода надеждой на отсутствие необходимости дальнейшего производства дополнительного расследования и перепредъявления обвинения.

Вместе с тем в реальной правоприменительной практике укоренился принципиально иной подход к досудебному привлечению лиц к уголовной ответственности. Для современных следователей уже вошла в привычку, стала восприниматься как обыденность существующая не один десяток лет прикладная технология, состоящая в двухэтапном и растянутом на достаточно длительный срок механизме привлечения в качестве обвиняемого. Сначала в отношении лица формулируется так называемое первоначальное («пилотное») обвинение, как правило, основанное на результатах ряда безотлагательных следственных и иных процессуальных действий. В завершении предварительного следствия формулируется окончательное обвинение (обвинение в окончательной редакции), опирающееся на итоги полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, обоснованное достаточной совокупностью доказательств и обусловленное убежденностью следователя в идентификации лица в совершении преступления. В качестве нормативной основы данной прикладной технологии в настоящее время используется все та же ч. 1 ст. 175 УПК РФ, которая, как уже отмечалось выше, допускает возможность повторного вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, содержащего новую редакцию прежнего обвинения. В связи с этим весьма примечательно, что некоторые ученые-процессуалисты тоже пишут об указанной технологии как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся, не вызывающем и тени сомнения¹¹.

Безусловно, в подобном двухэтапном механизме подлинный смысл досудебного привлечения к уголовной ответственности, сводящийся к выдвижению в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства, присущ лишь второму этапу, т. е. формулированию окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции). Иными словами, по общему правилу постановление о привлечении в качестве обвиняемого может быть только одним – окончательным, замыкающим собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия. А предусмотренный ч. 1 ст. 175 УПК РФ порядок изменения или дополнения обвинения вовсе не предполагает сплошного, безразборного использования по всем уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного следствия. По смыслу закона такой механизм имеет характер исключения из общего правила – может оказаться достаточно востребованным или даже необходимым лишь при наличии каких-то особых обстоятельств, не свойственных большинству других уголовных дел и связанных с потребностью расследования дополнительных обстоятельств, ставших известными в процессе предъявления обвинения или позднее.

Тогда как фактически набросанное на «скорую руку» первоначальное обвинение – это не более чем выдвинутая в определенный момент досудебного

¹¹ См.: Еникеев З. Д. Указ. соч. С. 81 ; Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 137 ; и др.

производства предварительная следственная версия, гипотеза, обуславливающая необходимость дальнейшего продолжения расследования в целях более полного установления (доказывания) всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Другими словами, «пилотное» обвинение является никаким не обвинением, а ничем иным как типичным подозрением какого-либо лица в совершении некоего преступления¹².

Закономерно возникает вопрос: что заставляет практических работников использовать указанную двухэтапную практическую технологию привлечения в качестве обвиняемого, а ученых-процессуалистов писать о ней как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся? Тем более, что подобный алгоритм сильно перегружает уголовный процесс, поскольку предполагает необходимость двукратного выполнения, по сути, одной и той же работы.

Как это ни прискорбно, но ответ на данный вопрос является более чем тривиальным. Правоприменительная практика в этой части в очередной раз страдает из-за непродуманности уголовно-процессуального законодательства, несогласованности различных положений закона. Например, в прежних публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось о существовании в системе уголовно-процессуального регулирования не выдерживающей никакой критики правовой коллизии между основаниями для привлечения в качестве обвиняемого и правовыми условиями избрания мер пресечения, обусловленной неудачными попытками раннесоветского законодателя заимствования хорошо зарекомендовавших себя дореволюционных механизмов и процедур без их надлежащей адаптации к новым на тот момент реалиям уголовного судопроизводства¹³ и т. д.

Вместе с тем указанные проблемы не могут быть разрешены лишь посредством внесения очередной (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ. Хотя такие поправки видятся более чем необходимыми, они не смогут полностью устранить тех «болезней», которыми в настоящее время страдает российская система досудебного производства, в частности механизм выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Поэтому подобные реформы должны иметь не сугубо законотворческий, а комплексный характер. И начинать их нужно не столько с новых правотворческих шагов, обусловленных кипучей энергией отдельных представителей законодательной власти или иных правомочных субъектов, а с пересмотра государственной идеологии

¹² В связи с этим необходимо напомнить, что под подозрением в уголовно-процессуальной доктрине обычно понимают выдвинутую органами дознания или предварительного следствия в отношении конкретного лица первоначальную либо промежуточную версию о совершении этим лицом преступления, не подтвержденную достаточным количеством доказательств, дающих основания для формулирования обвинения (см., например: *Татьянина Л. Г., Бычкова К. Г.* Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // *Вестник Оренбургского гос. ун-та.* 2008. № 83. С. 22–23 ; *Грибунов О. П., Степанова В. Г.* Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 14 ; *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого : конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 62 ; и др.).

¹³ См.: *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения... С. 33–34.

в отношении профессии следователя, с повышения уровня его нравственности, профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, т. е. личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией¹⁴.

¹⁴ См.: Россинский С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 95–96, 100.

Институт государства и права Российской академии наук

Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Process and Criminology
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com